

1001 ночь.

Рассказ об аль-Мубарраде и бесноватом

Рассказывают, что Абу-ль-Аббас аль-Мубаррад [423] говорил: "Я направился с несколькими людьми в альБерид по делу, и мы проезжали монастырь Езекииля и остановились под его сенью. И к нам подошел человек и сказал: "В монастыре есть бесноватые и среди них бесноватый, который изрекает мудрость. Если бы вы его увидели, вы, право, подивились бы его словам".

И мы все поднялись и вошли в монастырь и увидели человека, который сидел в комнате на кожаном ковре, и он обнажил голову и устремил взор на стену. И мы приветствовали его, и он возвратил нам приветствие, не взглянув на нас глазом. И один человек молвил: "Скажи ему стихи: когда он слышит стихи, он начинает говорить".

И я произнес такие два стиха:

"О прекраснейший из рожденных Евой на свет людей!

Не будь тебя, не прекрасен мир, не хорош бы был!

И тот, кому показал Аллах твой светлый лик,

Получил бы вечность, седин не зная и дряхлости!"

И, услышав от меня это, бесноватый повернулся к нам и произнес такие стихи:

"Аллах знает ведь, что тоскую я,

Не могу открыть, что я чувствую,

Две души во мне – одна в городе,

А другая – та в другом городе,

И далекая сходна с близкою,

И то чувствует, что я чувствую".

И затем он спросил: "Хорошо я сказал или плохо?" И мы ответили: "Ты сказал не плохо, а хорошо и прекрасно". И безумный протянул руку к камню, лежавшему возле него, и взял его, и мы подумали, что он кинет его в нас, и убежали от него, но бесноватый стал только бить себя камнем в грудь и говорил: "Не бойтесь? Подойдите ко мне ближе и выслушайте от меня что-то, и учитесь этому у меня".

И мы приблизились к нему, и он произнес такие стихи:

"Своих светло-рыжих пред зарей привела они,

Ее посадили, и верблюды отправились.

Глава моя из тюрьмы любимую видели"

И в горести я сказал (а слезы текли мои,

Вот сад светло-рыжих! Поверни, чтобы простился я

В разлуке, – в прощанье с ней срок жизни моей сокрыт.

Обет я блюду, любовь мою не нарушил я,

О, если бы знал я, что с обетом тем сделали!"

А потом он посмотрел на меня и спросил: "Знаете ли вы, что они сделала?" И я сказал: "Да, они умерли, помилуй их Аллах великий!"

И лицо бесноватого изменилось, и он вскочил на ноги и воскликнул: "Как ты узнал об их смерти?" – "Будь они живы, они не оставили бы тебя так, в таком состоянии", – отвечал я. И бесноватый молвил: "Ты сказал правду, клянусь Аллахом, но мне тоже не мила жизнь после них". И потом у него задрожали поджилки, и он упал лицом вниз, и мы поспешили к нему и стали его трясти, и увидели, что он мертв, да будет над ним милость Аллаха великого! И мы удивились и опечалились о бесноватом сильной печалью, а зачем мы обрядили его и похоронили..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста двенадцатая ночь

Когда же настала четыреста двенадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Мубаррад говорил: "Когда этот человек упал мертвый, мы опечалились о нем, и обрядили его и похоронили. А по возвращении в Багдад я пришел к аль-Мутаваккилю, и он увидел следы слез у меня на лице и спросил: "Что это?" И я рассказал ему всю историю, и ему стало тяжело, и он сказал: "Что побудило тебя к этому? Клянусь Аллахом, если бы я знал, что ты о нем не печалишься, я бы взыскал с тебя за него!"

И потом он горевал об этом весь остаток дня".